

ВЛАДИМИР ЧЕРЕВАНСКИЙ

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ЦАРИЦА

Владимир Череванский

Первая русская царица

«Public Domain»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Череванский В. П.

Первая русская царица / В. П. Череванский — «Public Domain»,

ISBN 978-5-501-00086-5

Череванский Владимир Павлович (1836–1914) – государственный деятель и писатель. Родился в Симферополе, в дворянской семье. Сделал блестящую карьеру: был управляющим московской контрольной палатой; в 1897 г. назначен членом государственного совета по департаменту государственной экономии. Литературную деятельность начал в 1858 г. с рассказов и очерков, печатавшихся во многих столичных журналах. Среди них особое место занимал «Сын отечества», где в дальнейшем Череванский поместил многочисленные романы и повести («Бриллиантовое ожерелье», «Актриса», «Тихое побережье», «Дочь гувернантки» и др.), в которых зарекомендовал себя поклонником новых прогрессивных веяний и хорошим рассказчиком. Кроме того, им опубликовано много передовых статей по экономическим и другим вопросам и ряд фельетонов под псевдонимами «В. Ч.» и «Эчь». В 1890-х гг. издал несколько драматических произведений: «Хищники», «Жгучий вопрос», «Возле золотого прииска», а также исторические хроники времен русско-японской войны: «Под боевым огнем» и «Две волны». Свое знание Востока Череванский проявил и в монографии «Мир ислама и его пробуждение». Роман «Первая русская царица», публикуемый в этом томе, рассказывает о судьбе Анастасии Романовны – супруги Ивана Грозного. Построенный на архивных материалах, роман написан очень увлекательно и обращает внимание читателя на малоизвестные страницы российской истории.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-501-00086-5

© Череванский В. П.

© Public Domain

Содержание

Глава I	6
Глава II	13
Глава III	19
Глава IV	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Владимир Череванский

Первая русская царица

Глава I

В XVI веке Москва продолжала расширяться как и прежде преимущественно за счет боярских усадеб, которые захватывали обширные лесные площади. Усадьба боярина Сицкого могла считаться образцовой и по установленным в ней порядкам, и по доброте самих хозяев. Она была обведена одним частоколом с усадьбой князя Мстиславского. Между их владениями пролегал лишь узкий проезд к реке, доступный только для одного всадника и одного пешехода. По этому проезду гуськом проскакивал временами молодой великий князь со свитой, когда он отправлялся на охоту на ту сторону реки. Там начинался непроглядный бор, в котором водился пушной зверек. В бор пролегала тропа через Тайницкие ворота, изукрашенные строителем Антоном Фрязиным бойницами и надворотными башнями.

Главные хоромы в усадьбе князя Сицкого соединялись с домовою церковью крытым переходом. Через улицу шел Разбойный приказ с пыточной избой, а дальше виднелось вычурное здание Посольского приказа, за ним высился Архангельский собор, монастырь, а по сторонам – усадьбы Богдана Бельского, Андрея Клешнина и три усадьбы братьев Годуновых.

В большом тереме жила княгиня Сицкая Анна Романовна, происходившая из семьи окольного Захарьина. Малый терем был предоставлен сестре княгини, молодой боярышне Анастасии Романовне. Здесь же приютилась и ее «мама», правившая, впрочем, всем хозяйством усадьбы. Имя ее осталось неизвестным. Видели только, что в день святой Ларисы она ставила в домовою церковь свечи ко всем образам, чего в другие дни не делала. Но все же и старые, и молодые, и бояре, и холопы ее называли только мамой, да она другого прозвища и знать не хотела.

Боярышня росла под ее любящим надзором. Мама защищала и святой водой и крестными знаменами свою любимицу от всего, что могла навести на молодую красавицу завистливая злоба.

В усадьбе проживал еще один любимец мамы из дальнего рода-племени кудрявый Лукьяш, жизнерадостный юноша и способный на всякие выдумки, чтобы позабавить Настю. Иногда он подвергался опале мамы и подчинялся безропотно, когда она хохлила ему кудри или наказывала еще строже. При всякой детской жалобе Насти мама изгоняла Лукьяша из терема на птичий двор и держала его там, пока сама Настя не выступала на его защиту.

Возле теремов расположилась золотошвейная палата, трудами которой любовались все московские монастыри. Здесь Анастасия Романовна встречала восторженную любовь мастериц. Сюда шло через ее руки многое, что доставлял из княжеских поместий старший ключник Касьян Перебиркин.

Жизнь текла плавно, точно по надежно установленному руслу. Маме не приходилось даже гневаться и распекать работников, к чему она была очень расположена. Но вот однажды старая птичница явилась к ней с повинной головой – из-под наседок начали пропадать яйца, а кто их воровал нельзя было уследить. «Не иначе как Настино дело! – решила мама скоропалительно. – Она наберет их в платок и в кормежной палате раздаст их чумазым ребяткам». Боярышня была призвана к ответу. Мама не замедлила погрозить ей пальцем, объясняя при этом причину гнева. Незаслуженно обиженная боярышня залилась горькими слезами. Всхлипыванья перешли наконец в болезненную икоту; икота отбила у нее всю грудь и порядочно напугала маму. Мама обозвала себя в уме старой дурой, но чтобы не уронить свою власть, не стала успокаивать девочку. На следующее утро еще две наседки остались без яиц, между тем

опечаленная боярышня не выходила и за порог своего теремочка. Наконец Лукьяше пришла в голову счастливая мысль: узнать, не лисица ли повадилась на преступный промысел. Лукьяша произвел обыск и действительно нашел под частоколом лисью лазейку. Разумеется, тотчас был поставлен капкан, и наутро маме представили вороватого зверька. Тут уж маме пришлось открыто признаться, что она старая дура.

– Настя, прости старую дуру! – обратилась она к боярышне. – Понапрасну я поклеп на тебя возвела!

Боярышня продолжала кукситься и не удосужилась ответить маме.

– Не прощаешь? Твое право, а только знай, что черные ангелы упекут мою душу прямо в ад, на раскаленную жаровню, и все-то веки-вечные враги души моей не дадут покоя. Ни одной капельки воды не будет.

Здесь, точно узрев этих черных ангелов, боярышня кинулась к маме, обвила ее шею ручками и закричала, сколько было сил:

– Не отдам, не пушу! Да разразят вас светлые ангелы; прочь уйдите в свое смрадное обиталище.

Этот детский порыв еще больше укрепил взаимную любовь старого человека с молодым, светлым ангелом; так мама и сказала:

– Светлый наш ангел! Ты наше общее спасение! Да будет над тобой...

Мама не договорила и залилась слезами умиления. Лукьяше достался дружественный поцелуй светлого ангела. Ах, как много сказалось в этом искреннем порыве чистого существа!

К весенней поре 1547 года ребячливая Анастасия Романовна вошла уже в возраст боярышни-невесты. Много было в Москве родовитых и красивых женихов, но никто из них и не подумал адресоваться к боярышне с изъяснением своих чувств. Родным не было надобности торопить ее с замужеством, а сама она если и останавливала на мужчине свои зоркие зрачки, то только на одном Лукьяше, пожалованном теперь за заслуги старого князя званием первого рынды.

В московской жизни неделя широкой Масленицы встречалась с особо праздничным настроением во всех слоях населения – от князя до хлебороба, от толстосума до уличной побирušки. Каждая тароватая хозяйка слепо следовала поговорке: «Все, что есть в печи, на стол мечи». Каждый мало-мальски состоятельный москвич спешил вслед за родительской субботой распоясаться, поскольку того требовали тяжеловесные блины, икра всех сортов, осетровые и белужьи тешки и левашники с ягодами. Брагу пили в дни Масленицы более крепкую, чем в обыкновенные дни; без браги не могло быть веселых речей.

На льду Москвы-реки выставлялись идола, уподоблявшиеся богу Волосу, из снопов соломы с распростертыми ручищами. Здесь же возвышались и ледяные горы, шли кулачные бои, попискивали кукольники с петрушками, сюда шли из Новгорода поводыри с медведями или с козой. Потехам не было меры. Девушке-перестарку нелестно было и выйти на улицу в прощенный день; ехидные старушонки только и ждали засидевшуюся девицу, чтобы привязать к ее ноге завернутую в полотно деревяшку. То было общественным наказанием за разборчивость невесты, не пожелавшей выйти до конца мясоеда замуж.

В прощенный день сжигались все соломенные чучела, что и знаменовало конец веселья.

По окончании Масленицы происходило полоскание рта, без чего черти являлись по ночам выдергивать из зубов остатки завязнувшего сыра; это полоскание рта обернулось впоследствии в опохмеление, родившее поговорку: «Пили на Масленицу, а с похмелья лежали на Радоницу». Вообще же Масленица слыла в народе «объедаухой и деньгам поберухой». А как был неудержимо силен порыв к масличному празднеству, видно из поговорки: «Хоть что заложить, а Масленицу почестно проводить».

Поэтому нетрудно себе представить, как готовились к пиршеству в усадьбе князя Сицкого, когда именины княгини Анны Романовны пришлось в предпрощенный день Масленицы.

На семейном совете было заранее решено выставить три угощения: в среду – день лакомки, усадьба открыла все свои ворота и калитки для богомольных странников и своих московских юродивых, причем носившим вериги предлагали проходить в кухню и выбирать себе лучшие куски. Четверг, как день перелома, предназначался для духовных лиц и всех носивших рясы. Пятница выступала с целыми бочками лакомств для детей, а в субботу открывались хоромы: нижняя для бояр, а верхняя с большим теремом для боярынь и подружек Анастасии Романовны. Здесь хозяйствовала и наводила порядки мама, которой очень хотелось затеять хороводы, но боярышни чинились, поджимали губки и уверяли, что они охрипли и не могут петь хороводные песни. Но по доброте мамы лакомств было немало, да потом и веселых хохотушек явилось достаточно.

Поддержал свою добрую славу и Касьян Перебиркин. Он достигнул видного положения в княжеском доме благодаря своей безукоризненной честности и особому дарованию готовить необычайно крепкую брагу. Брага его была такова, что только один князь Курбский мог выпить подряд два объемистых кубка без опасения свалиться со скамьи на пол; кубки были старые, серебряные с литовским орлом на крышке. Случалось, что великокняжеский дворецкий выпрашивал в усадьбе князя Сицкого бочонок-другой браги и ставил гостям, выдавая ее за производство своей кухни.

Ко дню угощения голытьбы кормежный двор разделился деревянными переборками на две половины. Одна предназначалась для женщин и чумазой детворы, а другая для мужчин, не исключая и заведомых пьяниц. Сюда направлялись и степенные старцы на костылях, и разные уродцы, которых гнали со всех папертей.

Женской половиной заведовала молодая боярышня, которой пришлось насмотреться на всякие язвы и болячки человечества. Кажется, не было кошеля убогой старухи, в который боярышня не опустила калач или жареного леща и пяток яблок. Ей помогал Лукьяш. По ее желанию сюда подошли и слепые гусяры с божественными песнями. Приходилось только сдерживать чумазую крикливую детвору, слишком уж восторженно вторившую гусярам.

На мужской половине слышались требования залить блины брагой, но явился Касьян, погрозил одному-другому своим железным перстом, и брага вышла у каждого любителя из головы. Зато каждый получил по большущей жареной рыбине. Все шло чинно, словно за столом на боярском пиру.

Пирование завершилось неожиданным эпизодом: гусяры поднялись, сгрудились, пошептались, попробовали что-то на струнах и грянули славу боярышне Анастасии Романовне и чтобы ей вековечно жить в чести и довольстве. Дело ее видят ангельские херувимы и к престолу Предвечного обо всем донесут.

Боярышня зарумянилась и убежала, оставив одного Лукьяша хозяйничать.

Угощение удалось на славу. Напоследок в торбы гусяров попали остатки от множества блинов, рыбины и по кульку снетков.

Ко времени съезда званных гостей усадьба преобразилась: за строениями были выставлены водопойные колоды, копны сена и бочки с овсом. Бояре имели привычку засиживаться в гостях по крайней мере до следующего утра. В самих же хоромых тоже произошла перестановка по указаниям мамы, которой хорошо было ведомо, что боярыни приедут с арапками, дурами, младенцами, их няньками и кормилицами. Была еще забота у мамы: смотреть за деревянными подсвечниками; случалось, что свечи падали гостям на головы, а это уже поруха дому.

В тереме боярышни, которая впервые выходила к гостям, мама потребовала белил и румян, но встретила отказ, какого и не ожидала. Обычай повелевал женскому полу белиться и румяниться, но Анастасия Романовна наотрез отказалась:

– Будешь, мама, настаивать, так я и вовсе не выйду к гостям. Без твоей мучицы и без твоего свекольника я человек как человек, а притирки обращают меня в размалеванное чучело.

Маме пришлось уступить.

– Князь Курбский! – выкрикнул Касьян Перебиркин, как только из-за Крутицкого подвоя выступил верхом на ретивом коне статный всадник. Красовавшаяся на боку сабля указывала на его военное звание. Над шлемом дрожал и блестел алмазный султан.

«Вот бы такого женишка послал Господь моему дитятке!» подумала мама, не посмевающая, однако, высказать боярышне свою затаенную мысль.

– Боярин Старицкий! – выкрикнул Касьян, завидев царский возок, покрытый сверху донизу бухарскими коврами.

Ранее было оговорено, что на именины княгини пожалует сам Иоанн Васильевич, но боярин привез весть, что великий князь с вечера отправился на охоту и вероятно заночует там. Туда же отправилось несколько сотен стрельцов, так как решено было перебить всех волков, дерзавших, перейдя по льду, вторгаться в пригородные усадьбы.

Касьян с трудом втолковал собравшейся на прилежавшей к усадьбе улице толпе москвичей, что великий князь не приедет к княгине и что лучше бы народу разойтись каждому по своему делу.

Далее въехали на княжий двор возки Мстиславских, Воротынского, Захарьиных, Воронцовых, Лыковых, Шестовых, Салтыковых и целые вереницы ближних бояр.

К немалому удивлению хозяина во дворе появились и непрошенные гости – Глинские, а главное Семиткин – окольный пыточной избы, правивший по временам Разбойничьим приказом. Появление Глинских уличная толпа встретила неодобрительно, возникла шумиха, а кое-где и кулак поднялся над людским морем. Михаилу Глинскому ничего не стоило своей бешеной тройкой сбить с ног прохожего и задавить его насмерть. Никто из московских служилых вельмож не посмел бы принять жалобу на него. Семиткин как ни старался расправить свою кудластую бороду, а все же его узнали, как только его лисья физиономия выглянула из ворот Разбойного приказа. Касьян даже не провозгласил о его приходе.

Придверники широко распахнули двери перед Глинским, как перед близким родственником великого князя, но Семиткину пришлось пробираться боком через полурастворенную половину двери. Всем москвичам было ведомо, с каким наслаждением взирал Семиткин на корчи пытаемого, которого поддерживали его пособники над раскаленными углями.

Великолепны были парадные княжеские хоромы. Потолок главной гостевой хоромины был расписан крылатыми сиринами, зверями, звездами и травами. Семь семисвечников в расписных с кистями фонарях освещали это на диво прекрасное помещение. Столы, расставленные покоем, были с большим запасом. Порядок рассаживания был поручен Лукьяшу. В эту эпоху «разряды» действовали во всей их силе, и хотя сегодняшний съезд был скорее семейным, нежели парадным, но все же никто и не подумал пренебречь этикетом.

– Извини, боярин, – обратился Лукьяш к Семиткину, который, впрочем, не был еще боярином, – для тебя не приготовлено места, посиди на краюшке в конце стола, не обессудь.

Семиткин почувствовал, что он не в свои сани сел, но обиду пришлось проглотить и ожидать, что-то будет дальше? Мальчишку же Лукьяшу он решил взять на заметку.

Бояре еще не успели как следует обсудить подробности последнего набега казанской татарвы, как придверник широко распахнул двери, что предвещало появление самой именинницы. И действительно, она вошла по обычаю павой, поддерживаемая под руку сестрицей Анастасией Романовной. Боярышня впервые нарушила теремное затворничество. Видно, она произвела своей красотой и непринужденностью походки чудесное впечатление, потому что даже такие старички, как Мстиславский и Воротынский поддернули свои воротники, сплошь покрытые бурмицкими зернами, расправили бороды и прокашляли в широкие рукава.

Да и княгиня Анна Романовна предстала на боярский суд во всеоружии здоровой красоты. Крепкая на вид, она искусно смягчала природные дарования благосклонной улыбкой. Если старый князь не припал к ее руке, то только потому, что это было зазорно, не было бы конца пересудам. Византия, хотя уже и утратила свое политическое, мировое положение, но

все же на Руси хранились ее заветы, как делать женщину еще краше. Все – от золотой кики и начальника до сетчатых подвесок и золотых нагрудных блях – дрожало, горело и переливалось тысячами огней в наряде именинницы. Тяжелые косы и соболиные брови победоносно дополняли родовые драгоценности княгини. Сам хозяин млел от восторга.

Поприветствовав супруга, именинница начала обходить дорогих гостей, сопровождаемая подносчиком тяжелых кубков. На Лукьяше лежала обязанность нести ковши для браги; стопы же были заранее расставлены перед каждым прибором. За Лукьяшем несли серебряную бражницу, в которую входило несколько ведер напитка, стремительно бросавшегося в голову. Брага удалась на славу. Каждой голове следовало поудержаться и поскромничать.

Молодая боярышня не видела еще вблизи охмелевшего человека. Для нее было даже вновь и само восклицание – «горько!», после которого следовал поцелуй князя с княгиней.

Обходя гостей, именинница находила для каждого приветливое слово. Впрочем, князю Глинскому не понравилось ее приветствие, сказанное чуть слышно: «Не калечь людей по улицам Москвы. Москва оплатит тебе сторицей за каждый разбитый череп». Перед Семиткиным она остановилась с изумлением; перед ним она выговорила громко: «Не знаю, как тебя и величать. Не ожидала твоего прихода, а ты удосужился отойти от жаровни своей пыточной избы». Лукьяш налил ему браги только на донышко стопы. Семиткин стойко проглотил и эту обиду.

За столом гости вели шумливую и радостную беседу, в которой часто слышались пожелания долгих лет жизни.

Обед завершился обычным десертом из пряников, напоминавших своими формами птиц и зверей, и фруктовыми заедками. Казалось бы, оставалось осенить себя крестным знаменем да благодарить хозяев, но прогудел чей-то бас, провозгласивший славу хлебосольным хозяевам: «Княгине Анне Романовне – слава!» Все окна задрожали, и семисвечники качнулись, когда грянул общий хор: «Слава! Боярышне Анастасии Романовне – слава, слава, слава!» Тут и самый молодой человек осмелился вмешаться в общий хор, то был тенор Лукьяши.

После славы женскому полу обычай требовал оставить гостей и разойтись по своим теремам. Княгиня разоблачилась с превеликим удовольствием. Нелегко было пробыть несколько часов в такой запряжке, как ряска, обложенная жемчугом, лалами и яхонтами; тяжел был и накосник со многими запонами...

Боярышне было полегче. Она вместе с мамой быстро разоблачила сестру и уложила ее отдыхать. Девиц не принято пересуживать в хорошей компании, но когда боярышня удалилась с мамой, не было голоса, который не промолвил бы: «Хороша, да, очень хороша! Вот это невеста так невеста!»

Женщины удалились в свои покои вовремя, так как последствия искусства Касьяна Перевиркина проявились во всей его полноте. Развязались языки, и появились смельчаки, которым сам Семиткин был не страшен. Говорили, впрочем, больше о красоте москвичек, о том, что и у иноземок не найти таких алых щек с ямочками; что у англичанок, сказывают, всем зубам зубы, а у наших прямо как из жемчуга. В кружке князя Курбского, к которому примкнул сбоку непрощеный Семиткин, обсуждали, какими достоинствами должна обладать великокняжеская невеста. На этот вопрос пришлось отвечать каждому боярину, независимо от возраста. Вниманием всех присутствующих овладел речистый и умный князь Курбский, за которым уже числилась четвертая стопа хмельного напитка.

– Прежде всего девица для великокняжеского рода должна быть честных кровей, – провозгласил он без всяких витиеватостей. – Предки и прапредки девицы должны исходить из русского племени и не иметь в своем роде Семиткиных. Семиткин, слышал?

– Слышал, княже! – отозвался из толпы писклявый голос. – Лаешься ты на моих дедов и родителей понапрасну. Забыли внести их в разряды, а то и тебе, княже, не пришлось бы считать их мизинными людишками. К тому же они были коренными русскими, а не выходцами из Литвы.

Семиткин пустил эту стрелу по адресу многих присутствовавших здесь выходцев, в числе которых был и сам князь Курбский. Стрела принесла с собой семена раздора. В хоромах послышался сдавленный смех.

– Девица для великокняжеского рода должна блистать умом и красотой, – продолжал князь Курбский, относясь с презрением к выходке Семиткина. – По уму и красоте ей не надлежит раскрашивать лицо. Красота ее должна быть естественной, природной и не нуждаться в дополнительных ухищрениях. Вот вам пример: мы только что видели Анастасию Романовну – сестрицу нашей хозяйюшки. Никакой кисточкой никто не коснулся ее бровей и никакой губкой не растирали румяна на ее алых щечках. Красоты и доброты же у нее хоть отбавляй. Сегодня я издали любовался, как она угощала яствами убогий люд или обмывала чумаzych ребятишек. Только при голубином сердце можно целовать сопляков, подходивших к ней за подачками. С такой-то красоты и писана нашими предками сказка про царь-девицу. Да что и говорить! Привезите невест со всей Московской Руси – другой такой не встретишь. Кто же выпьет со мной стопку за здоровье боярышни Анастасии Романовны?

Все стопки были осушены до дна. Семиткин и тут показал свой кичливый, неугомонный нрав. Он даже попытался потеснить князя Курбского.

– Ты, княже, совсем забыл о душе твоей царь-девицы, – заметил он, не глядя по сторонам из опасения встретить насмешливые взгляды. – Девица эта должна владеть такой чудесной душой, чтобы ангелы слетались с небес и играли бы ей на арфе.

– А к твоей Варюхе слетаются с небес ангелы с арфами? – спросил один из ненавистников Разбойного приказа.

– Слетаются, они ведь уважают кривобоких, – ответил за Семиткина другой ненавистник.

– Моя кривобокая превосходит душой всякую боярышню!

– Не на Анастасию ли Романовну метишь?

– А хотя бы и так!

Напрасно Семиткин не сказал по-иному, тогда, быть может, спине его не досталось бы столько кулаков, сколько опустилось на нее разом. Откуда ни возьмись подскочил и рында Лукьяш. Он сбил Семиткина с ног и вцепился в его бороду. Произошла свалка, в которой боярские длани немало поработали. Хмельное разогрело страсти до того, что бояре перестали понимать, где правые и где виноватые. Хозяину пришлось выступить миротворцем. Последними успокоились Лукьяш и Семиткин.

– Ты бы посоветовал великому князю Иоанну Васильевичу взять твою Варюху наверх, там кривобоких не бывало.

– Негоже тебе, парнишка, вставлять свое слово в боярскую беседу. Знай свое место за дверью. А то обвяжи голову мокрым полотенцем, да походи по двору, брага-то и испарится. А за бороду, за бесчестье мы с тобой сосчитаемся.

Благоразумнейшие из бояр разбились по группам. Были и такие, что осуждали Лукьяша и предупреждали, что до гробовой доски Семиткин не забудет нанесенного ему бесчестья.

Охмелевших не было больше в хоромах князя Сицкого. Один за другим понемногу они разобрали свои посохи и горностаевые шапки и при помощи Касьяна добрались до своих возков.

Хоромы опустели. Лукьяш чувствовал свою вину, но как ее исправить? В угнетенном состоянии духа он отправился к маме и повинился в своей горячности. Мама всплеснула руками, да так и застыла. Шутка сказать: вырвать у самого начальника Разбойного приказа половину бороды! Отомстить! Впору и в Литву бежать – и убежал бы, но это значит никогда больше не увидеть любимую подругу детства!

Мама пошла по обыкновению в теремок своей Насти – поправить на ней одеяльце, перекрестить и пожелать ей приятного сна.

– Мама, о чем шумели бояре? – спросила Настя, целуя руку мамы.

- Да вздумали потешиться над хриstopродавцем Семиткиным.
- А Лукьяш тоже тешился?
- Уж и не спрашивай! Спи, родная, да хранит тебя Господь! Не знаю, что предпринять и как быть. Я выговаривала ему, а он одно твердит: на жаровню пойду, а Настю не трогай.
- А разве меня обижали?
- Равняли с кособокой Варюхой.
- Какой Лукьяш глупенький!
- По-своему-то он неглупый, а только ты спи, угомонись. Нечего глаза пялить, смотри на Владычицу. Завтра-то по великопостному нужно молиться у Михаила Архангела.

Глава II

Наутро, с первым великопостным звоном, вся убогая и вся счастливая Москва обратилась к Божьим храмам отмаливать мясопустные прегрешения. Народ шел волнами по всем направлениям: к Михаилу Архангелу, к Пречистой, к Рождеству Христову, в Чудов и к Благовещению с его девятью золочеными главами и с крестом на большой главе из чистого золота.

Ранее всех разошлись по храмам юродивые и те неопределенного состояния москвичи, которым очень нравилось, не будучи причисленными к духовному классу, носить подрясники и скуфейки. За ними последовал купеческий класс с прихлебателями. Наконец, к Благовещению направились боярские семьи в теплых возках, а более одухотворенные семьи – пешком, несмотря на дальние расстояния.

Обитатели усадьбы князя Сицкого пешком тоже направились к Благовещению. Впереди шел рында Лукьяш в сопровождении мамы, несшей несколько теплых вещей на случай, если Настенька озябнет. За молодежью следовали княгиня Сицкая с сестрой, а далее вся дворня.

Шли они степенно, не роняя ни одного незначащего слова.

Миновав храм Рождества Христова и проезд к Чушковым воротам, слышали выкрики, хорошо известные Москве: «Гайда, гайда!» Выкрики предупреждали о безумной скачке охотников, возвращавшихся не столько с охоты, сколько с ночной попойки. Там пили уже не брагу, а хлебное крепкое пиво, только что ворвавшееся с Запада в Московскую Русь.

– Гайда, гайда! – слышались дикие возгласы уже чуть ли не над самыми головами мирно шествовавших людей.

Не успела Анастасия Романовна отшатнуться, как увидела уже над собой ставшего на дыбы коня с всадником, озверевшим от бешеной скачки. Еще бы одна-две минуты общей растерянности, и конь обрушился бы на людей. Но конь был рассудительнее всадника, по крайней мере он не повиновался уздечке и, стоя чуть ли не вертикально, перебирал копытами в воздухе...

Первыми опомнились мужчины. Лукьяш успел ухватиться за уздечку и своей тяжестью осадил коня и всадника, а Касьян подхватил падавшую в обморок боярышню.

В сумятице всадник вздумал было проскакать сквозь сгрудившийся народ, и чтобы отцепить Лукьяша, не выпускавшего поводья, он поднял арапник...

– Боярин Глинский, не доводи до греха, убью! – выговорил рында, выхватывая нож из-за сапога.

Всадник в свою очередь оторопел и сошел с коня. Растерявшиеся люди, увидев, что боярышню Анастасия Романовна не покалечилась, отнеслись к событию довольно хладнокровно, но в этом-то хладнокровии таилась страшная гроза. Домашний кузнец Сицких заговорил громко о самосуде, его поддержали все дворовые люди усадьбы. Кузнец уже засучивал рукава, но, к счастью, догадливый Касьян понял, что готовится страшное дело. – «Не смей! – крикнул он буянам. – Ты, Лукьяш, пригляди, а я снесу боярышню в церковный притвор. На паперти я вижу отца Сильвестра, а он ейный духовник...»

Действительно, шум и беспорядок у самого церковного входа привлекли внимание готовившегося к службе иерея Сильвестра – народного любимца, выделявшегося из всего духовного сословия вдохновенным словом, – и он вышел на паперть. Узнав семью князя Сицкого и Захарьиных, он поманил Касьяна, чтобы тот перенес не подававшую признаков жизни боярышню в церковный притвор. Тут ее маме показалось, что Настя умирает, и она со слезами на глазах попросила иерея дать умирающей глухую исповедь и приобщить ее Святых Тайн. Иерей, зная свою духовную дочь, счел достаточным произнести во всеуслышание: «Господь, хранящий живых и мертвых, прости ее детские прегрешения». Затем, прикрыв больную епи-

трахилью, он удалил бесполезно толпившихся в притворе, кроме одной княгини, и вместе с ней стал ждать доктора, за которым поехал Лукьяш.

В это время приблизилась к шумной толпе группа охотников с великим князем во главе. На его вопросительный взгляд Касьян доложил, как все произошло, и что теперь боярышня находится между жизнью и смертью. Глинский тоже выступил с оправдательным словом: «Я кричал – гайда, а они не послушались».

Недолго думая Иоанн Васильевич вытянул своего дядю арапником, да так звонко, что ему пришлось укрыться в толпе от дальнейших приветствий. И только для поддержания своего достоинства он выкрикнул: «Ты забываешь, Иоанн Васильевич, что я твой дядя!»

– А ты забываешь, что я твой царь. Ты мне не дядя, а Ирод, избивающий младенцев, – произнес вслед ему Иоанн Васильевич. – Кто тебе дозволил топтать людей насмерть? Смотри, есть суд строже моего – народный, насмерть разорвут, тогда и мне не спасти тебя. Где боярышня? В притворе? Глинский, становись на паперти на колени и стой, пока боярышня не откроет глаза.

Войдя в притвор, Иоанн Васильевич увидел боярышню на парусинных носилках, что служили для переноски бездомных мертвецов. Лицо ее было открыто и оживилось уже настолько, что вновь появился румянец. Иерей читал над ее головой страницу из священной книги.

– Господи, и где это на Руси родится такая красота?! – произнес без обиняков Иоанн Васильевич. – Неужели она русская, какого она рода-племени?

– Дочь окольного Захарьина, родом от знатного тверитянина Кобылы. Она из всех моих духовных детей наиболее чистое дитя, да хранит ее Господь. Совсем было помертвела, да видно Господь смилостивился, – объяснил иерей Сильвестр. Явившийся доктор попросил присутствовавших не утруждать больную разговорами о ней. Великий князь обошел больную с другой стороны и еще полюбовался; она потянулась было поцеловать руку иерея, но Иоанну Васильевичу показалось, что она намерена поцеловать его руку, и тогда он в порыве нежности быстро овладел ее рукой и жарко поцеловал, чем вызвал вопросительный и вместе с тем чарующий взгляд молодой девушки, какого он еще никогда не видел.

Оставляя храм, Иоанн Васильевич пообещал иерею сан протоиерея, если только его молитвами у боярышни не окажется никакого повреждения, а доктора спросил по секрету: «Не слишком ли чувствительная натура у боярышни, не будет ли она и впредь пугаться из-за пустяков?»

– Ну, государь, когда конь долбит в голову копытами, это не пустяк! – отвечал умный англичанин. – Если лошадь навалится на человека, то и нечувствительный станет чувствительным. Могу сказать одно: через час она будет на ногах, так как крепость ее натуры на диво московская!

Иоанн Васильевич пообещал англичанину большую золотую гривну, а с нее и московское боярство, если боярышня действительно встанет через час на ноги.

На паперти великий князь разрешил Глинскому подняться с коленей и как бы простил его, но простил так, что лучше бы тайно наказал.

– По твоему безобразному пьянству боярышня чуть не отдала Богу душу, за что по справедливости тебя следовало бы опустить из бояр в простолюдины, – заявил он громогласно, чтобы слышали все собравшиеся москвичи, – но во мне сейчас ликует дух милосердия. Оставайся до времени боярином, но садись на козлы и доведи со всей бережностью боярышню до дома.

Честолюбивый Глинский был ошеломлен: такой каре не подвергался ни один из близких к престолу людей.

– Великий княже, прости мое неразумие, – взмолился он, не за себя только, а за все боярство. – Не ведал я, с кем столкнулся. На козлы же никак не могу. В моем старинном роде кучерского звания людей не было! Твоя родительница вышла из рода Глинских.

– А-а! Вот какой выискался супротивник моей власти! Погодите, дайте время управиться. Собью я с вас боярскую спесь!

Неизвестно, до каких вершин доросло бы раздражение Иоанна Васильевича, если бы перед ним не предстал князь Сицкий. Лукьяш дал ему знать о происшествии, и он не замедлил явиться к Благовещению в возке, обложенном подушками. Соблюдая порядки, он приветствовал великого князя честь честью и, никого ни о чем не расспрашивая, вывел из притвора свояченицу и усадил в возок.

Возле нее суетилась мама, обратившая на себя внимание Иоанна Васильевича:

– А ты кто такая будешь?

– Я Настина мама. Не моя она дочка, а только я с младенчества растила и красоту ее соблюдала. Гляди, государь, какую вырастила чистенькую, да приглядную. Берегу ее пуще зеницы ока...

Мама насказала бы еще много хорошего о своей любимице, но остановилась, так как Иоанн Васильевич, обведя глазами своих спутников, выкликнул князя Шуйского. Тот вышел из толпы, дрожа всем телом не то от затаенного гнева, не то от страха перед правителем, настроенным теперь против всякого боярина. Страх его не был напрасен. На его шее ярко блестела большая жалованная гривна на золотой цепочке. Но уже было видно, что молодой великий князь быстро менял милость на гнев.

– Подай сюда гривну! Недостоин ты носить такое великое отличие. Да поскорее, не заставляй меня повторять дважды.

Шуйский вздрогнул, затрясся, но сопротивление Иоанну Васильевичу могло повести к худшей опале. Пыточная изба была недалеко. Боярство уже видело и испытывало на себе явное нерасположение великого князя.

Пока Шуйский медлил, Иоанн Васильевич сдернул с него собственноручно жалованную гривну и к общему изумлению своей свиты подал маме этот знак важного государственного значения.

– Надень и будь моей верховой боярыней. Награждаю тебя за то, что ты вырастила такую русскую красавицу. Перед всеми боярынями ты будешь у меня впереди. Теперь по домам!

Печально было возвращение по домам всего боярства. Шуйские и Глинские и все их родственники были опозорены на виду глазевшей толпы черни. Еще не так давно дерзкие на руку и на слово Глинские должны были опасаться взрыва народных страстей. Настроенные против них москвичи видели теперь, чего они значат в глазах властелина. Шуйские, сызмальства хватавшиеся за великокняжеский скипетр, должны были довольствоваться собственными посохами – правда, изукрашенными дорогими камнями, но без всякого символа, без влияния на народные умы.

Одна мама не чуяла под собой земли от радости. Разумеется, ей отрадны были и золотая жалованная государем гривна, и возведение в верховые боярыни, но все же ее любящее сердце еще более радостно трепетало от того, что великий князь поцеловал руки ее ненаглядной Насти. Ведь такой поцелуй при многих очевидцах, да еще в церкви, знаменовал избрание боярышни в великокняжеские невесты.

Мама не ошиблась. По возвращении во дворец Иоанн Васильевич приказал оповестить наместников, чтобы они прекратили розыски подходящих для него невест.

С этой поры тихая усадьба князя Сицкого стала шумной и парадной. Теперь подолгу задерживался у ворот усадьбы царский возок, изукрашенный золочеными орлами. На запятках торчали, словно колокольни, холопы в долгополых красных чамарках, собиравшие вокруг себя толпы москвичей. Москва, впрочем, недолго терялась в догадках по поводу почестей, не виданных в этом скромном уголке города.

На виду всех царский возок доставил ближнюю верховую боярыню Турунтай-Похвистневу, которую даже чванный Лукьяш подхватил под локоть. В сенях ее встретила мама с невин-

ным будто бы вопросом: «Кого и зачем требуется?» Приехавшая боярыня процедила сколь возможно величественнее: «Имею поручение от великого князя для передачи одной лишь боярышне Анастасии Романовне».

Мама сама пошла за боярышней и не отошла от нее даже в главной хоромине. При их появлении верховая боярыня почтительно склонила свою седую голову.

– Великий князь Иоанн Васильевич, пошли ему Господь доброго здоровья на многие лета, жалует тебя, боярышня, золотой шубкой. Охотнички его забрызгали твою шубку грязцой, так вот дозволю снять с тебя мерку. А может, ты предпочтешь обьяринную? Сказывай. Жемчугов будет нашито на ней сколько повелишь. Меха будут положены бобровые, а манжеты обшиты лебяжьими пушинками. Дарит тебе Иоанн Васильевич и лебяжьи шкуры, лебедей он сам добыл калеными стрелами.

Вместо того, чтобы рассыпаться в благодарностях за великую милость, Анастасия Романовна спряталась стыдливо за маму, точно за каменную стену.

– Извини, боярыня, Богом данную мне дочку, – отвечала мама, внушительно выдвигая напоказ пожалованную ей гривну. – Ей еще непривычны великокняжеские слова и порядки. Взгляни, как она зарделась! Пойди, моя родненькая, в свою светелку, а я провожу боярыню к княгине. Она у нас все порядки знает.

Посланица, однако, не торопилась пройти в теремок княгини. Она имела поручение поговорить с самой боярышней, так как Семиткин пустил слух, будто бы боярышня косноязычна и не может поддержать беседу.

– Прости, боярыня, что я не знаю, как следует по дворцовым порядкам приветствовать тебя. Мне они неведомы, – выступила Анастасия Романовна. – Однако сердце мне говорит, сколь я обязана милостивому вниманию великого князя. Передай ему, что он осчастливил меня навеки, и если мои молитвы угодны Богу, то я непрестанно буду...

Голос боярышни был чище серебряного колокольчика, а слов у нее нашлось не меньше, чем в любой книге. Семиткин, ставивший тогда капканы всему дому князя Сицкого, был посрамлен. Кажется, он распустил еще слух, что девица слегка горбата, но ее стройная фигура опровергала и эту ложь.

Добросовестная посредница возвратилась из усадьбы с наилучшими вестями. Внешность боярышни, сказывала Турунтай-Похвистнева, как только что распустившийся розовый бутон привлекательности прямо-таки неземной. И душа ее как бы ангельская, а что касается до слов и разума, то речь ее такова, что хоть пиши ее в книжку.

Доложив обо всем виденном Иоанну Васильевичу, посредница добавила: свой глазок – смотрок. Если повелишь, я побываю с боярышней в бане, где всякая правда скажется. Мама ни за что не впустила бы в баню, когда в ней находилась Настя, постороннюю женщину, хотя бы она объявила себя попадьею. В бане-то и изводили злые люди своих недругов. Но боярыня Турунтай-Похвистнева открылась, что она поступает во всем по наказу самого Иоанна Васильевича. И поскольку осмотр невесты в бане входил в порядок смотрин, то мама уступила ей, удостоверившись предварительно своим зорким глазом, что боярыня не несет с собой ни кореньев, ни порошков, ни ладанки с наговоренной солью. Мало того, боярыня, понимавшая, очевидно, беспокойство мамы, прежде чем войти в баню, истово перекрестилась. Баня усадьбы славилась по всей Москве. Свет на ее полки проходил через окна в потолке; под полом шли трубы с нагретым воздухом. Мыло было турецкое, а ногти стригли только что полученными из чужих земель ножницами. Оказалось, что вся фигура боярышни от пяток до маковки была безукоризненно стройна и бела, как морская пена. Из бани Касьян проводил боярышню через двор к хоромам; здесь боярыня Турунтай-Похвистнева обратилась к маме с допросом:

– Не храпит ли боярышня во сне, особо после еды и если много наедено? Великий князь побаивается, если в опочивальне по ночам раздается шорох.

Мама отвечала:

– Перед тобой, точно перед лампадой, говорю: боярышня, как ляжет в постельку, сложивши рученьки, так до утра и пробудет, зубами не щелкнет, а уже скрежетать и не слыхано! Над ней, у изголовья, висит икона Пречистой, и дитяtko, как только проснется, взглянет на икону, опять руки сложит и как ангелочек...

Турунтай-Похвистнева, которая, разумеется, была негласной свахой, поцеловала маму как ровню и прекратила свои расспросы. Правда, она забыла удостовериться, одного ли фасона глазки у боярышни, но мама клятвенно уверила, что глаз на глаз похож, как похожи у сизокрылого голубя одно глазное яблочко на другое.

После доклада свахи Иоанн Васильевич призвал к себе маму и вручил ей платок и кольцо для девицы; такие дары являлись уже прямым обручением. Теперь мама пришла в такое состояние духа, что поцеловала у жениха край епанчи.

Избранной невесте следовало теперь перейти наверх, в великокняжеские хоромы, под начало и охрану верховых боярынь, и уже оставаться там до свадьбы. По вступлении в хоромы ей дали бы новое имя, целовали бы пред ней крест, как перед великой княгиней. Мама, однако, выпросила позволение жениха пожить его невесте некоторое время дома, у сестрицы, чтобы снарядиться как следует.

В назначенный час думский дьяк доложил великому князю, что дума в сборе и что митрополит уже окропил иорданской водой великокняжеское место. Великий князь знаком велел подать ему верхового коня. В сенях думы перед ним неожиданно предстал Семиткин, которого уже вся Москва звала полубородым.

– Ты не зван! – заметил ему строго Иоанн Васильевич. – От твоего злоязычия ничего не осталось, уходи!

– Не будет ли какого приказа, великий княже?

– Мой приказ тебе – не злоязычничать, и знай: если ты опорочишь еще одну невинную девицу, быть тебе на горячих углях.

Такого строгого указа Семиткин никогда еще не слышал, и голова его, точно приплюснутая, ушла в туловище. Он хотел сообщить о деле государственной важности: некто при проходе над углями признал, что у великого князя выкрадена его сорочка, у которой оторвали воротник, сожгли его и посыпали пеплом дорожку от дворца до усадьбы князя Сицкого. Тут-де было явное волшебство. И всем этим делом орудовала мама.

Однако этот донос остался при Семиткине. Ястребиный взгляд Иоанна Васильевича пронизал доносчика насквозь, и он почувствовал, как душа его отлетает куда-то далеко, по направлению к пыточной избе.

В думе великий князь нашел всех ее членов в сборе. Митрополит возложил на него благословение, со всех сторон проявились почтительные поклоны. Кланялись и Глинские, и Шуйские, кланялись Мещерский, Волконский, Курбский, Собакин, Колычев, Стрешнев, Свиный и немалое число других ближних чинов. На этот раз великий князь не пригласил садиться, да и сам, стоя, громко, отчетливо и властно произнес:

– Уповаю на милость Божию и на заступников Русской земли, я беру в супруги чистую голубицу – дочь окольного Захарьина. Такое мое намерение благослови, святой отец.

– Благословляю именем Отца Небесного! – отвечал митрополит. – Намерение твое освящено милостию Божией и вожденно для твоих подданных.

Дума поддержала сказанное митрополитом ликованием и поклонами.

– Но ранее супружеского венца я вознамерился принять царский венец. Следую в этом случае не одним латинским кесарям, но и василевсам Византии и предку Мономаху. В английском королевстве даже женщина носит корону. Изготовьте все, что потребует церемония венчания на царство. Знайте, что отныне конец боярскому своеволию; тому противится царский чин.

С малым общим поклоном он оставил собрание, а по дороге вновь погрозил Семиткину, все еще выжидавшему возможности рассказать об украденной великокняжеской сорочке. Однако, услышав общее ликование бояр, доносчик предпочел поплестись к своей пыточной избе.

Узнав, что невеста выбрана из рода Захарьиных, бояре вздохнули посвободнее; отец невесты был рядовым окольниковым без умысла на скипетр. Обязанности его заключались в услужении иностранным послам, а на этом поприще нельзя было угнетать мизинных людей, ни нажить богатства на их доходах. О самой же невесте шла добрая молва. О ней говорили лишь одно: «Голубиное сердце».

Глава III

Иоанн Васильевич встал на вершину власти без всякого морального катехизиса. Его начитанность ограничивалась изучением жизнеописаний ассиро-вавилонских деспотов, римских кесарей и византийских василевсов. Из библейских же сказаний внимание его останавливалось только на таких иерусалимских гигантах, как премудрый Соломон, располагавший гаремом из тысячи жен и наложниц и установивший в своем царстве культ богини Астарты.

Из римских императоров он предпочитал Гая Калигулу Нерону. Первый был в его глазах велик во всех его проявлениях. Его чтили, как чтили Аполлона, Юпитера и даже богинь Венеру и Диану. Он назначил свою лошадь консулом. Он намеревался перерезать весь сенат, осмелившийся подавать изредка голос против его безумных повелений, вроде экзекуции над океаном, роптавшим в неуказанную для того пору.

Изучая жизнеописания деспотов-гигантов, на головы которых якобы опирался небесный свод, Иоанн Васильевич без педагогической указки делал собственные доморощенные выводы и заключения. Ему думалось: попробовал бы князь Шуйский положить ноги на постель Гая Калигулы? Или как бы поступил тот же Калигула с Боярской думой, когда она шумела и противоречила ему?

Насытившись описаниями силы, могущества и баснословной роскоши древнеисторических великанов, Иоанн Васильевич призывал в свои хоромы придворного сказателя былин. Из них его особенно привлекали повествования о венчании на царство Владимира Всеволодовича, а также о Василисе Микуличне. Некоторые строфы сказания трогали его до глубины сердца, тогда он подтягивал сказателю:

Как во лбу у нее светел месяц,
По косицам звезды частые,
Бровушки чернее черна соболя,
Очушки яснее ясна сокола!..

Но чтобы одно и то же сказание не навредило на какие-нибудь мысли слушателей, он высказывал желание прослушать и про молодость Ваньки Буслаева, и про Святогора, и про то, как перевелись богатыри на Святой Руси.

В последнее время он все чаще и чаще посещал свое казнохранилище, которое было известно под названием Казенный двор. Здесь ящики с иноземными золотыми монетами его интересовали меньше, нежели дары, присланные с особым посольством императором Константином. Разумеется, ему было известно предание, по которому Константин, посылая внуку своему, Владимиру Мономаху, царский венец, бармы и цепь, завещал хранить их из поколения в поколение вечно как украшения в торжественные дни достойных самодержцев. Вот почему Иоанн Васильевич так открыто и живо интересовался и царским венцом, и золотой цепью, а главное – шапкой Мономаха. Все это свидетельствовало о стремлении великого князя уподобиться историческим иноземным властелинам и объявить себя всенародно царем Московского государства. С этой целью следовало выполнить эффектный обряд венчания на царство и тем поразить воображение народной массы. Правда, венчанию на царство был уже пример в лице Дмитрия Ивановича, но совершенный обряд был скопирован с древнейшего греческого чиноположения и притом ему миновало более полутора веков, так что в народной памяти не сохранилось о нем представления.

Митрополит Макарий вполне одобрил мысли Иоанна Васильевича о провозглашении его царем и о венчании на царство. Правда, Иоанн III именовал себя в некоторых случаях царем, особенно в дипломатических сношениях с иностранцами, но он не признавал необходимо-

сти обряда венчания, поэтому народная масса не придавала особого значения простой замене титулов. Славолюбивому же властелину требовалась именно эффектная церемония, и, разумеется, небо поступило бы мудро, явив на своих вершинах какое-либо благоприятное знамение, но – увы! – оно вело себя чрезвычайно сурово.

Иоанн Васильевич назначил днем венчания и принятия им царского титула 16 января 1547 года. Приказывая известить об этом Москву, он ясно и точно поручил Шуйскому, хотя и ненавистному, но все же умнейшему слуге, пригласить и семейства бояр в Успенский собор, где обширные хоры были предназначены для женского пола.

Для оповещения Москвы и ее пригородов о готовившемся важном государственном событии понадобился большой отряд барчуков. Впрочем, все боярские дети, в числе которых было немало и седобородых, охотно явились на Казенный двор за высокими посохами и горлатными шапками. Выслушав краткий наказ, где и что оглашать, барчуки разошлись по всей Белокаменной, увлекая за собой народную массу, жаждавшую услышать новость большого значения. Вскоре посохи глашатаев показались над морем голов: в Посаде, в Заречье, на ходовых стенах Китай-города, на Лобном месте, у Фроловского подворья, возле Неглинных ворот и всюду, где было много людей. На торжках яблоку негде было упасть. Народ особенно осаждал церковные паперти, на которых у всех на виду возвышались горлатные шапки. По разрешению митрополита колокольни щеголяли одна перед другой малиновым звоном.

Барчук у Благовещения возвещал:

– Ведайте, православные, что великий князь всея Руси Иоанн Васильевич вознамерился покрыть главу свою венцом Мономаха и принять царский титул, как то подобает властелину могучего царства. Всем русским людям и иноземцам дозволяется прийти через неделю к храму Успения. Старые люди войдут в храм, а молодые станут там, где укажут дьяки и привратники. Слышно вам, православные, как радуется сему делу духовенство? Не зазорно бы и вам опуститься на колени и помолиться о здравии великого князя всея Руси и о даровании ему победы над супротивниками православных.

По приказу Шуйского барчуки должны были лишь кратко возвещать о предстоящем деле, но редкий из них обошелся без отсебятины. В то же время ни один из них не мог ответить на раздававшиеся в толпе вопросы: «А как насчет женского пола? Допустят?»

После Иоанна III остался трон из слоновой кости, изукрашенный лалами и яхонтами; теперь он был выдвинут из казны к празднеству второвенчанника Иоанна IV. Шуйскому, тогдашнему обер-церемониймейстеру, было трудно составить, не имея примеров в прошлом, полную программу венчания. Нельзя же было ограничиться одним хождением к гробам предков. Разумеется, ему было известно, что первое место в регалиях церемониала принадлежало короне, а затем бармам и скипетру, но ему и в голову не пришло, что византийцы почитали неперменной принадлежностью церемониала пояс, богато вышитый руками девицы – дочери всечестных родителей.

Поистине на боярышню Анастасию Романовну снизошло свыше вдохновение приготовить для его царского величества собственноручно художественную опояску. Накануне венчания из усадьбы князя Сицкого вышла группа под предводительством мамы. В группе золотшвейные детишки несли с особой бережностью полотенце, обернутое в дорогие шелковые материи. У дворцовых ворот стражники скрестили было алебарды, но мама распахнула душегрейку и не без повелительного величия указала на золотую гривну. Алебарды разнялись и опустились.

Свою маленькую свиту мама остановила в нижней хоромине, куда и пригласили, по ее приказу, дежурную верховую боярыню. Последней она объяснила, что боярышня Анастасия Романовна шлет великому князю пояс, без которого, по книжным сказаниям, византийские цари и не приступали к обряду восхождения на престол. Хотя боярышня по своему мастерству

могла почитаться на Руси первой золотошвейей, но все же мама просила от ее имени не осудить строго ее сердечный дар, если в нем не все окажется достойным царя всея Руси.

Вышедшая к маме боярыня отличалась завистливым нравом, но и она не могла не ахнуть от изумления, когда золотошвейные детишки развернули пояс. Орлята и ястреба, вышитые шемахинским шелком, казались, несмотря на их миниатюрность, готовыми вспарить под небеса. Парили и херувимы. Львам не доставало только, чтобы они зарычали. По летописным сказаниям, такую чудную вещь изготовила в свое время царица Анна для Багрянородного, а Иоанн Васильевич, по преданиям, заверенным патриархом Иосифом, считал себя потомком царицы Анны, и Апокалипсис будто бы предвещал рождение от нее царя, которому Господь вручит шестое царство.

В это время ко дворцовому подъезду прискакала конная группа с великим князем во главе. Мама опустила на колени и преподнесла пояс.

– Приехали монахи греческие со Святой горы и остановились, как всегда, в нашей усадьбе, – объясняла мама, тогда как Иоанн Васильевич с любопытством разглядывал преподнесенную ему вещь. – Узнав о предстоящих торжествах, они поведали, что при венчании на царство пояс имеет такое же значение, как и корона. Византийские василевсы, всходившие на трон не опоясавшись, всегда были несчастливы. Константин, сдавший Царьград туркам, пренебрег старым обычаем, и оттого пострадало все царство. Они, то есть монахи, привезли с собой древний пояс, долго лежавший на гробе великого святителя, и готовы уступить его великому князю за малую цену. Моя Настя, осмотрев пояс, нашла в нем какой-то изъян и отчитала греков по-своему: «Не нужно-де нам торжковское изделие; у нас-де в Москве лучше изготовят». После этого греки больше о поясе не вымолвили ни слова. С того часа Настя три дня постилась и молилась на свои пяльцы, да как принялась за вышивку, так вот сам, государь, оцени ее усердие.

– Чем же отблагодарить твою доченьку? Впрочем, завтра сам увижу ее на торжестве...

– Она не будет.

– Почему?

– Не звана, государь. Сестрица ее, княгиня Анна Романовна звана, а она не удостоена.

– За эту выходку поплатится мне князь Шуйский! Позвать его сюда.

– Почему не звано семейство Захарьиных на завтрашний праздник?

Князь Шуйский очень смутился, не мог же он оправдаться тем, что запаматовал.

– Государь, ты повелел звать только истинно боярские семьи, а главой у Захарьиных состоит окольничий.

– Ты, князь Шуйский, лжешь и не краснеешь. Знай, что твое своеволие надо мной окончилось. Позвать сюда дьяка Шестопалова.

Дьяк Шестопалов ютился в какой-то дворцовой каморке и во всякую минуту по зову мог явиться с чернильницей на боку и с пером за ухом. На груди под епанчой у него была в запасе стопка привезенных из-за границы папирусов.

– Пиши! – диктовал ему великий князь. – Повелеваю Приказу разрядных дел окольничего Захарьина писать и именовать отныне боярином и оставить ему место выше князя Шуйского.

– Это, государь великий, ты не по закону! – вставил свое князь Шуйский, – мой род... да к тому же окольничий Захарьин-Юрьев давно скончался.

– И мертвого произведу в бояре! Пиши! Половину вотчин, пожалованных мной князю Шуйскому, передать от него в род умершего боярина Захарьина... Ты, мама, видела и слышала, что я сказал. Поторопись домой и передай боярышне Анастасии Романовне, чтобы она непременно участвовала в завтрашнем торжестве. В храме привратники проведут ее на хоры. А пока прощайте, мне тоже нужен отдых.

Было видно, что Иоанн Васильевич доволен своими сегодняшними распоряжениями. Особенно тешило его душу то, что он так властно и решительно сбил спесь с князя Шуйского. Взяв пояс в свою опочивальню, он предался молитве по четкам, которых у его божниц красовался целый набор. Приятны были и его сновидения накануне торжества: ему виделись многие тысячи преклоненных голов, море златотканых одежд духовного сословия, тучи фимиама и груды папирусных листов с поздравлениями иноземных властелинов, приславших к празднеству своих послов. Про немцев и говорить нечего, они были соседями, а вот подальше – английская королева, испанцы, голландцы, шведы – все добивались чести присутствовать при венчании первого русского царя. И все-таки великокняжеский двор очень печалился. Через проезжих греков была выписана из Царьграда книга царского венчания греческих царей. Книга эта была доставлена значительно позже, уже ко времени воцарения Федора Иоанновича.

Печалился и митрополит, требовавший из Италии малое количество мира от мироточивых костей святителя, который покоился в Баре. Это требование, несмотря на посулы больших денег, тоже не было исполнено вовремя.

Поэтому митрополит, явившийся в храм Успения значительно ранее виновника торжества, осмотрев все, что требовалось при короновании, распорядился убрать приготовленный сосуд – кробийцу – для священного мира. Все прочее оказалось в порядке. Сиденье для него – митрополита – и трон Иоанна III для венценосца были поставлены рядом.

На столах были разложены доставленные из Казенного двора: золотое блюдо с Животворящим Крестом, цепь, скипетр и держава. Держава была также времен Мономаха.

Москва пробудилась в этот день под неумолкавший звон колоколов. Вообще картиной шествия во храме удовлетворилось бы и величайшее честолюбие. Виновник торжества отправился из дворца в сопровождении бояр, окольничих, думских людей, стольников, стряпчих, дворян и детей боярских. Стрельцы построились в две линии и надежно ограждали царский путь. Духовник шел впереди всех и окроплял святой водой путь, с которого перед тем рынды и боярские дети убрали всякую подозрительную пушинку.

При входе в собор духовный чин встретил Иоанна Васильевича со святой водой, после чего он занял свое обыкновенное место, но по окончании молебна митрополит возвел его с обыкновенного места на чертожное, где он и занял царское сиденье. По правую сторону от него стали бояре, а по левой расположились соборные старцы.

После обмена благожелательными речами митрополит поднес все еще великому князю венец с речением: «Прими, государь, высшую славу – венец царствия на главу свою, венец был на главе предка твоего Владимира Мономаха. Да процветет от твоего корня величие всего твоего государства». Затем были возложены на Иоанна Васильевича, отныне уже царя, крест от животворящего древа, цепь, и вручен ему скипетр. Держава введена в регалию венчания на царство только при венчании Бориса Годунова.

Вместе с нововенчанным ликовала и вся Москва. Отныне Москва – столица всей Руси, и Царьград, откуда чуть не указы шли от патриархов, принужден будет умерить свою гордость.

По возвращении во дворец среди раздвинувшейся и ликовавшей толпы, нововенчанный был на первых же ступенях крыльца осыпан князем Шуйским золотым дождем; поступком этим он надеялся загладить свои прегрешения, а их набралось достаточно, чтобы не утихал гнев царский. Верховая боярыня Турунтай-Пронская высыпала к ногам царя целую казну из золотых монет, но все же Иоанн Васильевич ощутил наибольшее удовольствие, когда его встретила боярышня Анастасия Романовна дождем из хмеля и зерна. Она решила на этот поступок по указанию полюбившей ее верховой боярыни.

Торжество завершилось во дворце царским застольем, а для народа были поставлены бочки крепкой браги и сладкого меда. Царский стол, за которым распорядитель не нашел места для женского пола, ознаменовался тем, что поданного царю лебедя он приказал разделить на две половины и одну из них доставить в дом князя Сицкого и там вручить боярышне Ана-

стасии Романовне. Блюдо велено было взять из Казенного двора и притом не какое-нибудь, а изукрашенное яхонтами и лалами. Кроме того, из Казенного же двора доставили боярышне рукомойник, осыпанный бирюзой, обладавшей, как было известно, особой силой возбуждать любовь в сердцах дев.

Общую радость Москвы не разделяли лишь Шуйские и Глинские. Они были низвергнуты с первой ступеньки трона. Беспрекословное самодержавие проявлялось теперь перед ними воочию в каждом поступке, в каждом движении зрачков Иоанна Васильевича. Ни одной крошки, ни одной птичьей лапки он не послал им из своего обеденного блюда, а бывало ли это прежде, когда он только великокняжил, а не царил? Нужно было подумать Шуйскому – не отъехать ли в вотчину, а Глинскому – не переселиться ли в Литву? Если что и останавливало их, так это заведомая скромность всего рода Захарьиных, не обнаруживавших ни малейшего намерения проскользнуть в узурпаторы и гонители всех, кто вздумал бы стать на их дороге. О боярышне Анастасии Романовне вся Москва в один голос твердила как о царской невесте, пленившей жениха красотой тела и души. «Помимо красоты, – писали летописцы, – она отличалась целомудренностью, смирением, набожностью, чувствительностью, благостью и основательным умом».

Глава IV

После объявления думы об избраннице Иоанн Васильевич поручил верховой боярыне побывать в усадьбе князя Сицкого и передать девице Анастасии Романовне приглашение царя переселиться вместе с мамой в верхнюю половину дворца. Однако верховую боярыню Собакину опередила верховая боярыня Турунтай-Пронская. Она передала маме, чтобы девица не соглашалась перейти во дворец: «Бог знает, что может случиться, а вот пусть он принародно признает ее невестой, тогда другое дело, можно и наверх перейти». Поэтому, когда Собакина передала приглашение царя, то получила учтивый отказ.

Выслушав доклад неудавшейся свахи, царь пристукнул посохом, с которым уже не расставался, и заметил Собакиной, что ей следует отъехать в вотчину. На девицу же Анастасию Романовну он никакой обиды не почувствовал и даже приказал кому-то из постельничих: девица поступила по-умному; завтра наутро объявить принародно, что она моя избранница.

Наутро у ворот князя Сицкого загрели трубы и засверкали алебарды, извещавшие о прибытии царского посла. И действительно, верховая боярыня Турунтай-Пронская, сопровождаемая отрядом стрельцов и музыкантов, привезла в нескольких экипажах подарки девице Анастасии Романовне.

Открывавшая ларцы и коробья верховая боярыня пояснила со своей стороны, что невесте нельзя отказываться от даров царя-жениха. Что же касается до сорочек, то невесте обязательно нужно надеть их, не то Глинские и Собакины бог весть что насажут.

Невозможно было обозреть в одночасье или хотя бы и в неделю все присланное царем. Много коробов остались нескрытыми до свободного времени. Впрочем, мама заметила и поспешила открыть коробочки с румянами и белилами. Они были тонкие, лучшего иностранного качества и уж, разумеется, не об них говорил англичанин Коллинс, будто румяна русских женщин похожи на краски из вохры и белил, которыми в Англии красят дома. Были тут и чернота для зубов, мушки для оттенения белизны и выразительности лица.

Анастасия Романовна отказалась рассматривать эту заморскую косметику. Она только мельком взглянула на раскрытые ларцы с драгоценными камнями. Дары азиатских ханов и европейских королей поступали обыкновенно в великокняжескую казну, которая теперь и выдала для украшения избранницы бирюзинки в волосный орех, изумруды и чуть ли не в палец длиной аметисты, аквамарины, гелиотропы и целые ковши жемчужин.

Самое важное слово боярыня приберегла напоследок: «Царь просит свою избранницу облечься в присланные им уборы и пожаловать в них в церковь к брачному венцу».

Теперь мама отвесила своей ровне княгине Турунтай сердечный и низкий поклон.

Много было потрачено стараний и мамы, и всех домашних рукодельниц, чтобы царская невеста выглядела на славу. Общее сожаление было только одно: не захотела Анастасия Романовна ни зубы чернить, ни румяниться. Мелюзга работной палаты заучила и даже рискнула пропеть вполголоса:

У ней кровь-то в лице, словно белого зайца,
А и ручки беленькие, пальчики тоненькие,
Ходит она словно лебедушка,
Глазком глянет, словно светлый день...

Сколько бы зависти ни накопало у шептуний-боярынь, а все же и они признали, что у избранницы брови колесом проведены, а ясные очи – как у сокола... Только щечки у нее не были, как пели девицы, «что твои аленькие цветочки», но все поражались пышности и блеску ее кос. Шептуньи-боярыни, разумеется, не признавали, что девица как бы заглушала

своей природной красотой их искусственную красоту. На что уж мама, и та не осилила свое дитяtko и только слезами да крестами проводила ее на трудный путь царицы.

Невеста хорошо помнила наставление мамы: покорно уступить жениху первый шаг на подвенечный коврик; так она и сделала. Но к ее немалому огорчению она заметила при этом пытливый и недоумевающий взгляд жениха. Казалось, что он спрашивал самого себя: «не подменили ли ему невесту? Правда, она ангельски привлекательна, но на ее личике нет ни кровинки. Будет ли плодородна? Не повторилась бы история с первой супругой его родителя?»

Однако когда хор торжествующе огласил своды храма, а вокруг расположились друзья дома князя Сицкого, румянец невесты быстро украсил ее щеки и захватил даже кончики ушей. Новый пытливый взгляд жениха вроде бы успокоил его. Теперь такой красоты и во всей Москве не найти и напоказ.

Людские жизни связываются многими невидимыми и неосязаемыми нитями. Так и случилось: еще венчальные короны не были опущены, как между женихом и невестой установилась сердечная связь.

Вся Москва была готова осыпать царскую чету хмелем и хлебным зерном, но какой же распорядитель не закрыл бы дворцовые ворота перед галдевшей улицей... Поставленный у ворот Касьян Перебиркин пропускал и боярынь по выбору. Разумеется, не было препятствий митрополиту, от которого ожидалось благословение родным и близким.

Иоанн Васильевич выразил было желание усадить за один обеденный стол мужчин и женщин, но верховые боярыни воспротивились этому новшеству: «И митрополиту будет зазорно, и Москва засмеет».

Поэтому были накрыты два стола в двух смежных хоромах. Столы ломились под тяжестью серебра и обилия яств.

Во дворец набралось не менее тысячи особ женского пола, украшенных своими лучшими ожерельями, золотыми пуговицами, в платьях, обшитых яхонтами и жемчугом. Камчатных телогрей было и не перечестъ. На свет вышло все, что хранилось от прадедов в кипарисных ларцах и в новгородских коробах.

Много потребовалось сообразительности и настойчивости, чтобы рассадить без ущерба достоинства боярынь на соответственные им места. Ссоры возгорались поминутно; доходило до пинков и укоров родителям за их холопье происхождение. Распорядителю и его дякам приходилось бегать как заведенным – одним грозить, других ублажать, и только когда пожаловал митрополит, разнокалиберное собрание умолкло и смягчило враждебные взгляды, бросаемые друг на друга. Но пора было доложить царственным хозяевам о том, что все вошло в колею и что хор митрополита изготовился к песнопению.

При выходе царя с царицей рука об руку хоромы затихли; тысячи глаз с пристрастием разглядывали молодую женщину; она стойко исполняла свою новую роль, и даже все заметили, что ее природная красота как бы удвоилась благодаря величию, которое она приобрела в этот день. Величие величию рознь. Царица привлекала и трогала сердца даже тех боярышень, что играли с ней еще так недавно в жмурки и прятки. Царь был доволен произведенным эффектом и прямо-таки счастлив, когда царица, обходя столы, тепло приветствовала и мизинных людей, точно она и с их дочерьми играла в свое время.

Гости были также довольны и царственными хозяевами и их богатым угощением. Все заметили отсутствие среди приглашенных Семиткина, что случилось по просьбе царицы. «Царь и господин моего сердца, не портъ свой великий праздник лицом этого изверга!» Фразу эту передавали в толпе, как истинно сказанную царицей при обсуждении списка приглашенных гостей. И будто бы царь ответил: «Будь по-твоему, Семиткину здесь не место».

За вторым столом боярыни, в силу своего пристрастия к разговорам, перешептывались:

– Гляжу на царицу и думаю: как прекрасно нынче Господом Богом устроено. На землю Он спослал нам духа бесплотного с очами херувима.

Говорившая произносила свое слово нарочно громко. Она слыла при дворе льстивой боярыней. Ей возразила сварливая боярыня:

– Погоди, дай время, бесплотный-то дух оперится и расшвыряет нас с тобой, как вихрь снопы соломы.

– Не заметно ничего такого, – выговорила твердо и решительно боярыня Турунтай-Похвистнева.

Шептуньи не осмелились продолжать перебивать косточки царице. К тому же царица словно слышала злой шепот боярынь; она своими руками наложила на тарелки сладких пирожков и попросила маму обнести шептуний. Те покраснели.

За мужским столом решился встать Глинский и без стеснения обратиться к царю:

– В моем, государь, псковском поместье залег бурый медведь. Его сторожат день и ночь, и если у тебя не миновала охота пойти с булатным на чудовище, то досторожим до твоего приезда. За здоровье твое порукой наши головы.

Царь, уже не доверявший Глинским, выразил свое согласие, повинувшись, вероятно, лишь своей охотничьей страсти. Брага развязала к этому часу боярские языки, так как один из недругов Глинского, не обинуясь, шепнул своему закадычному другу-соседу:

– Глинские готовы с первого же часа разлучить царя с царицей, а того не знают, что по Москве идет уговор искоренить весь род Глинских, только бы случай к тому представился.

Гости покончили в одночасье с угощением и с поклонами и благодарностями удалились. Хоромы опустели. Наконец-то царь мог поцеловать свою избранницу без завистливых глаз и не слыша злобного шепота.

Царское веселье завершилось народным пированием. Мизинные люди проводали, что для них приготовлено достаточно бочек с крепчайшей брагой. Брагу изготовил сам Касьян Перебиркин. В ковшах не было недостатка. Даже истинных пьяниц не гнали взащей. Вскоре от объемистых бочек остались одни обручи да клепки. По сигналу некоего дьяка, выкрикнувшего: «Государю Иоанну Васильевичу слава!» – разразилась вся Москва. Одуревшие бражники забрались на колокольню и принялись орать под малиновый звон: «Царю нашему московскому Иоанну Васильевичу слава!» В другое время таких «петухов» спустили бы с колоколен кулаками, а то и дрекольем, но сегодня и церковные сторожа выкрикивали славу.

Алексей Адашев, преданный царице человек, состоявший при великокняжеском дворе мовником, а теперь и ложничим, в обязанность которого входило стелить брачную постель, проводил новобрачных до опочивальни и, поставив на стражу Лукьяша с рындами, ушел наводить порядки в других хоромах. В рукодельной палате он даже прикрикнул на детишек, не успевших поделить между собой сладкие пирожки. Не будучи родовитым, он завоевал своей безграничной честностью полное доверие Иоанна Васильевича. Чуждый дворцовых хитросплетений он слыл в народной молве как надежный защитник интересов государства.

На следующее утро Иоанн Васильевич вышел из опочивальни в хорошем настроении и осыпал многими милостями царицыных приближенных, особенно маму.

– За твое береженье царицы жалую тебя ее казначеей, – объявил ей Иоанн Васильевич. – Требуй из Казенного двора все, что понадобится царице. Отказа не будет.

Казначей числились саном на уровне верховых боярынь и фактически управляли всей царицыной половиной. Конечно, мама с радостью приняла эту монаршую милость.

– Блюда порядки во всей царицыной половине. Нераздельно властвуй над кормовой палатой и гляди, чтобы странники оставались довольны царским угощением.

Мама кланялась и кланялась.

– А что главное, так это белье и царицыно и мое храни под своим ключом, – указывал новобрачный. – Ты женщина старая и, разумеется, знаешь, что лиходеи портят людей то приворотом, то отворотом через сорочки, так вот, пусть у тебя воруют что хотят, только не белье. Теперь ступай к твоей Насте, она тоже побалует тебя каким ни на есть решением.

Ах, как маме хотелось сказать: «И зачем тебе, государь, молодожену, ездить на охоту к Глинским. Они ведь знают с лиходеями. Фараонова матка у них своя гостья». Но сказать это смелости у мамы не достало.

О предстоящей охоте в вотчине Глинских знал уже весь двор, кроме одной царицы. Ни у кого из придворных не доставало решимости сказать ей о готовившемся событии. Москва его не одобряла. Ведь Глинские – литвины, и мало ли что могло случиться от их кудесничества, особенно если они сдружились с фараоновой маткой!

Самому Иоанну Васильевичу, похоже, было совестно объявить жене, что он все еще не вышел из-под влияния Глинских и что дал слово отправиться на охоту в Псковскую пятину.

Молодой царице и ее двору предстоял поход на богомолье; таков уж был обычай, шедший от прадедов. Мама изготовила для похода все необходимое и большую сумму денег для раздачи убогим.

Посещавшие молодую царицу в первое время ее новой жизни розовые и радостные сновидения навевались обстановкой, окружавшей ее. В грезах она прохлаждалась среди душистых цветников, над ней раскрывались небеса, и оттуда неслись песни херувимов. Песни умолкали, тогда исходили с вершин бесплотные существа с тихострунными арфами. Грезы прерывались только, когда являлась в опочивальню мама с корзинкой свежей земляники или когда являлся духовник Сильвестр с благословениями.

Да и что менее радостное могло привидеться молодой женщине, когда супруг так нежно обращался с ней. Он не пропускал ни одного вечера, чтобы не прийти в ее опочивальню и не перекрестить ее на сон грядущий. Долго перед тем он гладил ее роскошные косы, мраморный лоб, нежно целовал ее руки. Да, сам царь целовал руки недавней боярышни Анастасии Романовны. Понятно поэтому явление в сновидениях бесплотных существ с тихострунными арфами.

Каково же было изумление, а за ним испуг, когда спустя неделю после венчания дивный сон царицы был нарушен под утро охотничьими выкриками: «Гайда, гайда!» Слышались также выскисты псарей, хлопки арапников, визг овчарок, лаек и целой стаи собак разнообразных пород. Без сомнения, то был сбор на охоту!

Легко поднялась с постели и воскликнула: «Любый, где ты?» Но отклика из смежной опочивальни не последовало. Тогда молодая женщина, как была в распашонке, необутая, прильнула к окну. Там уже выезжала за кремлевскую ограду большая группа охотников с псарями и сворами собак. Во главе выступал бравый конь с молодым, пылким всадником, перепоясанным словно на смертный бой. Повторенное царицей: «Любый, почто покидаешь меня, остановись!» – не произвело на всадника никакого действия. Одного лошадиного топота было достаточно, чтобы заглушить не только слабый голос, но и звук иерихонской трубы.

Охота быстро вынеслась на простор. Разумеется, никому и в голову не приходила мысль, что за изумлением царицы последуют головокружение и обморок.

Мама нашла ее уже лежащей на полу. Первой мыслью мамы было взбрызнуть свою Настю святой водой и послать за попом Сильвестром, как умнейшим во всем дворце душевным врачом. Могуче сложенный иерей перенес свое духовное чадло как легкое перышко на постель и продолжал приводить ее в чувство все той же святой водой. Когда она окончательно пришла в себя, он с помощью мамы принялся объяснять, что и дальше молодому царю будут свойственны привычные потехи и что скорбеть о том, значит только отвращать его от своего сердца. Умный иерей благоразумно обошел вопрос, почему новобрачный не объявил о своем намерении поохотиться и предупредить супругу о своем отъезде. В заключение Сильвестр посоветовал своей духовной дочери, когда супруг вернется, не показывать того, что она огорчена его необычным поступком. Мама же уговорила ее нарумяниться и с веселым видом преподнести ему стопу крепкой браги.

Охота на медведя была назначена в одном из поместий самого Глинского. По его приказу в боярском доме были собраны целые запасы фряжских напитков. Кроме того, из округи были пригнаны все голосистые девушки в нарядных по возможности платьях с голыми ногами, что было также в почете. Несколько суток по сборе они разучивали «Государю Иоанну Васильевичу слава!».

Усталые путники поразмяли члены на кроватных веревочных переплетах, подкрепились фряжским и, прежде чем подойти к берлогу, выразили желание послушать красных девиц. «О женитьбе князя Владимира, да заодно уже и о Потоке Михаиле Ивановиче».

Однако дорогие гости очень изумились, когда, выйдя на крыльцо, увидели вместо красных девиц толпы мужиков, растянувшихся плашмя на земле, – так обращались к царю с жалобами на врагов окаянных. Таким врагом оказался сам хозяин усадьбы Глинский, тот, что выглядывал теперь из-за царской спины.

– Государь милостивый, казни нас всех поголовно, а только освободи нас от своего наместника. Душам нашим жизни не дает, – слышалось от лежащего люда. – И скотину и девку красную – все загибают его лодыри-управляющие. Жаловались мы, а только горбам нашим грамоты прописаны! Грабительски грабят! Ирод и тот был милостивее! Ложку изо рта вынут и говорят, что она идет во твою казну.

В круг просителей вошел было окольный Семиткин и принялся потихоньку грозить: «Вот ужо расправлюсь, угощу вас горячей баней до новых веников». Но, видно, народу и в самом деле было худо жить на свете, по крайней мере Семиткин слышал в нескольких местах сказанное ему вполголоса: «Дьяк, ты бы уходил в свою Москву, а то у нас ножи отточены!» Семиткину не доводилось слышать подобную отповедь, поэтому он предпочел отойти в сторону.

Охота была отложена. Просителям сказали, что их созовут для разбора претензий, и горетому, кто оклеветал наместника, того казнят непременно. Семиткину было сказано, чтобы он послал в Москву гонца за отрядом стрельцов и за своими помощниками, не раз обагрившими кровью свои руки, усмиряя бунтовщиков. Глинский добавил потихоньку от царя, чтобы не забыли прихватить из Москвы плаху с топором и пару тройчаток со свинцовыми гирями.

Всем было видно, что царь испытывает тяжелые муки. Глинского он и на глаза себе не допускал; гнев его постоянно разрастался. Казалось, он велит срубить головы всем жалобщикам; но при этом поплатится и сам Глинский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.